

Костяшов Ю. В. Повседневность послевоенной деревни: Из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946–1953 гг. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 263 с.

Изучение истории тоталитарных и отчасти авторитарных политических режимов создает сложности для тех ученых, которые стремятся к объективному отражению действительности. Жесткая политическая цензура и самоцензура, пропагандистская риторика вождей и подражающего им нижестоящего начальства, слежка за населением со стороны тайной полиции и прямые репрессии в отношении не только отдельных личностей, но и целых социальных групп и народов заставляли людей приспосабливаться к таким правилам игры, в которой главным принципом выживания было скрыть свои «опасные» мысли и сублимировать «неуместные» желания. Советский режим доводил ситуацию до абсурда, когда проводились выборы без выбора, в стране существовала только одна партия, а на знаменитых больших процессах 1930-х гг. некоторые обвиняемые требовали для себя смертной казни! Таким образом, и документы по истории этих режимов в своей значительной части являются продуктом пропаганды или «подчищенной» и прямо сфальсифицированной истории. В этих условиях добросовестному ученому остается или отказаться от проведения исследования, или все же попытаться реконструировать реальное прошлое через объективную научную критику источника, косвенные «улики» и привлечение документов более позднего происхождения, в частности воспоминаний, написанных уже за пределами «зоны страха».

Понимая это, Ю. В. Костяшов в 1988 г. выступил инициатором создания на базе Калининградского университета Ассоциации устной истории. Ему удалось зажечь энтузиазмом ряд выпускников, аспирантов и студентов исторического факультета, которые понимали свою работу по сбору интервью с первыми переселенцами Калининградской области как миссию по восстановлению исторической правды. В результате «за 1988–1991 гг. удалось записать 320 интервью объемом около двух с половиной тысяч машинописных страниц» [2, с. 11]. Изучение этих интервью позволило создать книгу «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев», которая выдержала пять изданий на трех языках [1; 3; 4]. К сожалению, энтузиазм калининградских историков не был подхвачен в других регионах страны, во всяком случае, в таких серьезных масштабах.

Рецензируемая книга — итог очередной уникальной работы, сделанной калининградским историком. «Главная проблема, с которой сталкивается исследователь при изучении истории повседневности советского крестьянства 60–70-летней давности, — это практически полное отсутствие личных документов (дневников, писем, воспоминаний), по которым можно было бы реконструировать обыденную жизнь послевоенной деревни, описать каждодневные практики, эмоциональные

реакции людей, понять их мироощущение, жизненные ценности, выявить и объяснить мотивацию и модели поведения, одним словом, представить в полном объеме тот мир, в котором они трудились и жили, — пишет автор книги. — Чтобы ответить на все эти вопросы, нужен источник, в котором бы звучала “прямая речь” крестьян-колхозников» [2, с. 241]. Такой источник был найден автором. Он впервые в отечественной историографии провел обширный, если не сказать сплошной анализ первичной документации колхозов области, а именно протоколов общих собраний колхозников, заседаний правлений колхозов и собраний партийных ячеек. И «корни травы» рассказали о жизни не только советского колхоза, но и позднесталинского СССР больше, чем многие другие, более известные документы.

Феномен этих протоколов заключается, во-первых, в их повсеместности и массовости. Каждый, даже самый захудалый, колхоз был обязан вести такого рода документацию. Таким образом, по подсчетам Ю. В. Костяшова, за период с 1946 по 1953 г. в Государственном архиве Калининградской области отложилось около ста тысяч колхозных протоколов [2, с. 14]. Во-вторых, эти протоколы явились весьма информативными. Именно мелкие социальные и бытовые подробности жизни «великого неизвестного» — советского крестьянина — позволили раскрыть мир его повседневности. В-третьих, оказалось, что выступающим на колхозных собраниях позволялось высказываться более откровенно, чем в других официальных местах. Конечно, любой здравомыслящий сельский оратор держал себя в рамках политической самоцензуры, при этом рассчитывая на то, перефразируя известное высказывание, что «дальше деревни не пошлют». Тем не менее даже относительная свобода мнений, выраженных на колхозных собраниях, подвергает сомнению лубочные картинки успешной и счастливой советской деревни, нарисованные политической пропагандой. «Вообще-то развитие критики и самокритики официально поощрялось, — пишет автор. — Важно было только не переходить черту и “не впадать в очернительство”» [2, с. 116]. Интересно, что если в запале кто-то из односельчан высказывал сомнения вообще в целесообразности колхозного строя, на следующем собрании он объявлял о своей невменяемости, так как был пьян. И, похоже, такое оправдание, по крайней мере в эти годы, удовлетворяло контролирующие органы.

Монография состоит из введения, 17 очерков, заключения, двух приложений, своеобразного словаря новояза «Из лексикона колхозной жизни», списка использованных архивных фондов и списка сокращений. Она написана «от источника», когда автор максимально бережно относится к прямому тексту, исправляя грамматические ошибки, но сохраняя стилистические особенности и колорит живой речи [2, с. 17].

«Протоколы общих собраний» членов переселенческих колхозов удивляют уже своим видом, — пишет Ю. В. Костяшов. — Они написаны на чистых оборотных сторонах, а иногда и поверх различных немецких бумаг: деловых писем, бухгалтерских отчетов, расписаний движения поездов, на неразрезанных листах немецких продовольственных карто-

чек, кусках учебных мишеней для стрельбы и обрывках роскошных обоев с золотым тиснением. Написанные на скорую руку химическим карандашом, редко — чернилами, не всегда понятным почерком, с бесконечными зачеркиваниями и кляксами, всем своим видом они контрастируют с безупречно отпечатанными на машинке немецкими текстами, среди которых то и дело мелькает традиционное нацистское приветствие “Heil Hitler!”» [2, с. 14]. Однако как внешняя, так и содержательная неряшливость этих документов тем не менее подтверждает известную русскую пословицу «не все то золото, что блестит».

Первые страницы рецензируемой монографии напоминают по структуре «Восточную Пруссию глазами советских переселенцев»: государственное обеспечение переселения и система льгот, агитация вербовщиков, скорее недоверчивое отношение населения к этой агитации, добровольно-принудительное выполнение плана отдельных областей по переселению, мотивы переезда, путешествие на так называемом «пятьсот-веселом» поезде, торжественная встреча по прибытии, первые впечатления, создание колхоза, радость или разочарование по поводу переезда. Однако автор существенно расширяет наши представления об этом процессе на новых архивных материалах, в том числе с привлечением, например, неместных документов Переселенческого отдела Воронежской области. Историк особо оговаривает, что два очерка («Переселенческий колхоз: справка-объективка» и «Крестьяне-переселенцы в зеркале статистики») написаны в традиционном ключе, так как читателю перед погружением в ткань повседневности необходимо иметь представление о значимых показателях социально-экономической и демографической статистики калининградской деревни за изучаемый период. Анализ движения миграционных потоков в Калининградскую область, проведенный автором, показал их специфику в сравнении с общероссийской тенденцией бегства из деревни в город. В западном крае России почти треть новоиспеченных колхозников были выходцами из городов [2, с. 63–64]. Мотивация на переезд сотен сапожников, электриков, токарей, учителей, поваров, портных, железнодорожников и других горожан с большой долей вероятности в менее комфортные бытовые условия еще требует своего изучения.

Некоторые исторические исследования, особенно по отечественной истории, грешат не вполне верно понятой методологией повседневности, которая подменяется традиционной историей быта. Поэтому, предоставив читателю возможность познакомиться с общей статистикой советской деревни, автор обращается к мнениям и представлениям самих колхозников о своей жизни, своего колхоза и страны.

Остальные 15 очерков и параграфы внутри них определяются содержанием колхозных протоколов и воспоминаниями первых переселенцев. Предположим, что если на колхозных собраниях мало говорилось об одежде и способах самолечения, личных мечтах или страхах, значит, в книге Ю. В. Костяшова этим элементам повседневности не уделено отдельного внимания. Поэтому рецензируемая монография не претендует на полное законченное исследование, жанрово она обозначена как очерки из истории переселенческой деревни.

Анализ каждого очерка книги неизбежно приведет к ее краткому пересказу, поэтому в данном случае покажем структуру одного из очерков с уверением читателя, что содержание других не менее любопытно. Так, под «колхозной географией» автор понимает административное устройство колхоза (с учетом специфики немецких хуторов), контору, кузницу, специализированные фермы, мельницу, пилораму, склад, сельмаг, клуб, школу, избу-читальню, здравпункт, детские ясли, а также пространственные объекты: поля, луга (выпасы), леса, огороды и сады.

Накопленный объем материала позволил Ю.В. Костяшову создать обобщенные типы председателей колхоза и, соответственно, показать их модели поведения. Отдельных очерков удостоились помимо выше-названных тем организация и ход переселения колхозников, «первые шаги», соседи и партнеры, колхозная демократия, (де)мотивация труда колхозников, государственные повинности, стратегии выживания, женщины, идеология и пропаганда, праздники и ритуалы, голод 1946–1947 гг., укрупнение колхозов в 1950 г., колхозники и религия.

Оказалось, что содержание прений на колхозных собраниях резко контрастировало с официальной картиной мира. Советская деревня в тысячах высказываний рядовых колхозников предстает бедной, невежественной в части сохранения немецкой агрокультуры, технически слабо оснащенной, апатичной по отношению к соцсоревнованию и перевыполнению плана и, наоборот, активной в ведении личного хозяйства, подневольной (государственные задания, работа за «палочки», принудительная покупка «облигаций госзайма», принудительная подписка на прессу, привлечение колхозников к лесозаготовкам, строительству дорог и мелиоративным работам).

Поражает, что невыход на работу или выход всего на три-четыре часа были массовым явлением в калининградской деревне, но, что еще более удивительно, начальство всех уровней так и не смогло принять какие-либо действенные меры по искоренению этого явления. Историк проанализировал стратегии выживания колхозников и определил, что три из них доминировали: уход из колхоза в город «на производство», отходничество, опора на личное хозяйство [2, с. 165].

Ю.В. Костяшов приводит красноречивые высказывания колхозников, например: «Мы живем как первобытные люди, — жаловались люди из Ярославской области, — не имея спичек, поддерживаем круглосуточно огонь в печах. Не имея керосина, сидим после работы при свете лучины, не имея мыла — не можем регулярно мыться» [2, с. 123]. Безнадежность, апатию, уныние, поразившие колхозников, можно списать на трудности послевоенного восстановления народного хозяйства. Впрочем, в более далекой перспективе вспомним пустые прилавки магазинов 1970–1980-х гг., понимая, что радикальных изменений в лучшую сторону в советских колхозах так и не удалось добиться. «В протоколах колхозных собраний можно найти очень мало примеров солидарности и взаимовыручки, но зато слишком часто в них видна отчужденность, зависть, разобщенность и даже ненависть, когда “каждый

выживает в одиночку”, — констатирует историк. — Это и был, пожалуй, главный результат господства колхозной системы, до основания разрушившей коллективистские начала, которыми всегда славилась русская крестьянская община» [2, с. 243].

Ю. В. Костяшову удалось обнаружить новое в политическом поведении колхозников. Традиционно продолжая клеймить мировой империализм, на тот момент очередную группу «врагов народа» — «врачей-убийц» («Посадить их в клетки и возить по всем городам и колхозам и показывать бандитов-ученых всем русским людям как зверей в образе человека» [2, с. 203]), после ареста в июле 1953 г. Л. П. Берии на многих колхозных собраниях неожиданно посыпались нелюбезные вопросы. «Эти вопросы, которые в прежних кампаниях всегда носили чисто формальный характер, впервые наполнились смыслом, — пишет автор. Они свидетельствовали о появившемся у людей желании разобраться по существу и еще о невесте откуда возникшей смелости задавать начальству “неудобные” вопросы» [2, с. 206].

Огромный объем изученных колхозных протоколов позволил Ю. В. Костяшову прийти в заключительной части своего труда к убедительным выводам: «Социалистические идеи, великие стройки коммунизма, “мирное наступление” Страны Советов на международной арене — все эти идеологические лозунги были для них совершенными абстракциями... Чудовищно неэффективная система организации труда при полном отсутствии мотивации работников порождала ничтожные результаты колхозного производства, которые почти полностью конфисковывались “рабоче-крестьянским государством”... При этом все хоть сколько-нибудь активные, жизнеспособные элементы покидали деревню, уходя на заработки в город. Оставшиеся строили свою жизненную стратегию на минимизации всеми доступными способами своего участия в общем коллективном производстве, чтобы сэкономить силы для своего приусадебного участка, собственного хозяйства» [2, с. 242]. Содержание колхозных протоколов должно настолько поразить серьезного исследователя, что Ю. В. Костяшов в конце книги просто приводит выдержки из повесток дня, тем самым еще раз подчеркивая феноменальность этого исторического источника. Надеюсь, список только за 1946 г. сподвигнет историков из других областей страны срочно бежать в свои региональные архивы и наконец обратиться к «корням травы»:

- О создании бригады содействия пограничным войскам.
- О сборе трофейного имущества.
- О сдаче незарегистрированного оружия в милицию.
- О выборах старших.
- О самовольном занятии квартир.
- Морально-политическое состояние колхоза.
- О докладе тов. Жданова.
- Обсуждение дезорганизаторов трудовой дисциплины в колхозе.
- Распределение головных уборов и обуви.
- О сборе бочкотары.
- Об охране социалистической собственности.
- О разукрупнении колхоза.

О правительственном постановлении о скоте.

Ответы тов. Сталина московскому корреспонденту Сондель Таймс г-ну Александрюль.

О выделении людей в Кировскую область по оформлению обменных квитанций на хлеб и картофель.

О самовольном выезде одного колхозника на родину.

О добровольной вербовке члена колхоза на заготовку леса (временно).

Об организованном нападении на председателя колхоза.

О радиофикации колхоза.

Об ушедших из колхоза трех семьях на предприятия.

Международное обозрение и задачи колхоза.

О выборах редколлегии колхозной газеты «Голос колхозника» [2, с. 245].

124

No comment.

Список литературы

1. *Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах.* СПб., 2002. (2-е изд., исп. и доп. Калининград, 2003).

2. *Костяшов Ю. В. Повседневность послевоенной деревни: Из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946–1953 гг.* М., 2015.

3. *Als Russe in Ostpreußen: Sowjetische Umsiedler über ihrem Neubeginn in Königsberg/Kaliningrad nach 1945.* Ostfildern, 1998. (Auflage 2: 2002).

4. *Przesiedleńcy opowiadają: Pierwsze lata Obwodu Kaliningradzkiego we wspomnieniach i dokumentach.* Olsztyn, 2000.

А. А. Ярцев,

д-р ист. наук, доц.,

*директор Калининградского филиала
Международного университета в Москве*